

И. Ф.
АННЕНСКИЙ

Избранное

Иннокентий Анненский
Иуда

«Public Domain»

1909

Анненский И. Ф.

Иуда / И. Ф. Анненский — «Public Domain», 1909 — (Книга отражений)

ISBN 978-5-457-36170-6

«Леонид Андреев принадлежит к поколению, воспитанному на Достоевском. Не на том Достоевском, которого когда-то ссылали в Сибирь, а потом держал в кабале Катков и на которого можно было сердиться за «Бесов» или «Дневник писателя», – а на другом, отошедшем ввысь и давно уже лучезарном поэте нашей совести. Русский писатель, если только тянет его к себе бездна души, не может более уйти от обаяния карамазовщины, как некуда в пустом доме уйти мне от лунного лика и от своей черной тени, зараз и жуткой и комичной...»

ISBN 978-5-457-36170-6

© Анненский И. Ф., 1909

© Public Domain, 1909

Содержание

I. Обаяние Достоевского	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Иннокентий Федорович Анненский

Иуда

Иуда, новый символ

I. Обаяние Достоевского

Леонид Андреев принадлежит к поколению, воспитанному на Достоевском. Не на том Достоевском, которого когда-то ссылали в Сибирь, а потом держал в кабале Катков¹ и на которого можно было сердиться за «Бесов» или «Дневник писателя», – а на другом, отошедшем ввысь и давно уже лучезарном поэте нашей совести.

Русский писатель, если только тянет его к себе бездна души, не может более уйти от обаяния карамазовщины, как некуда в пустом доме уйти мне от лунного лика и от своей черной тени, зараз и жуткой и комичной.

Описания у Леонида Андреева почти всегда кажутся экзотическими. Это зависит от его манеры писать и своеобразного отношения к жизни: природы.

Сцена тоже избаловала его своими эффектами. Но в сущности новому Иуде нечего делать ни с Иудеей, ни с Галилеей. Стоит пробежать несколько страниц из Юшкевича, чтобы почувствовать, что герой новой повести никогда не читал и Великой книги.² Эта одинокая душа не знала вчерашнего дня, и если за нею были века, то они ушли целиком лишь на то, что жалобно стонущий ветер гонял ее по степям, как перекасти-поле.

Тоска и стихийность Иуды слишком понятны и близки нам, чтобы искать их на Мертвом море, а силу для жизни он черпал не из обетования, а лишь из своей, т. е. нашей же, бог весть откуда налетевшей мечты, уродливо повлекшей за собою у Иуды предательство.

Я говорю, конечно, лишь о концепции Леонида Андреева, а не о библейском или историческом лице, о котором не стоит и рассуждать по поводу измышлений художника.

Но преступник, в котором слились мечтатель и мученик, поруганная и изуродованная жизнью любовь, с которой даже смерть не может снять личину ненависти; месть и предательство, которые неотступно молят о чуде и ненасытимо жаждут собственного посрамления, это ли не тот я, которого когда-то учил нас видеть и прощать в других Достоевский?

По природе своего таланта Леонид Андреев лишь изображает то, что Достоевский рассказывал, и внутренний человек заменен у него подобным ему, но внешним; но тем значительнее выходит в повести портрет Иуды:

Одна сторона его [лица] с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки. На Другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая; и хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромной от широко открытого слепого глаза. Покрытый белесой мутью, не смыкающийся ни ночью ни днем, он одинаково встречал и свет и тьму; но оттого ли, что рядом с ним был живой и хитрый товарищ, не верилось в его полную слепоту.

Вы видите, что это не столько живописное внешнее выражение, сколько моментальный снимок, сделанный с «внутреннего человека» в тот миг, когда процесс разлада дошел в нем до мучительного безобразия.

¹ Катков – см. прим. 3, с. 593.

² *Стоит пробежать несколько страниц из Юшкевича... не читал и Великой книги.* – Юшкевич Семен Соломонович (1868–1927) – писатель, драматург, постоянный автор горьковских сборников «Знание». После Октября – в эмиграции. Великая книга – Библия.

Но уже Достоевский и не раз объяснял нам, как в одном гнездилище могут совмещаться обе иудины натуры; и ядовито-колющая и мучительно-раздавленная. Сначала жуткое содружество это было указано нам в человеке из подполья, потом перед нами прошел Фома Опискин, самодур и вчерашний шут, истязатель и страстотерпец, и, наконец, сын Федора Павловича Карамазова и Елизаветы Смердящей олицетворил собой весь ужас той душевной неслитости, которая обрекла на предательство и нового Иуду.

Загадка «двух личин», которую Леонид Андреев, даже не пробуя решать, так великолепно иллюстрировал, волновала Достоевского всю жизнь.

Это она-то и создала под его пером и вечного мужа,³ и отца Илюшечки,⁴ и Лебядкина,⁵ и Ипполита Терентьева.⁶ Не только общая характеристика, но и обрисовка действий андреевского Иуды сильно напоминает нам Достоевского. Смесь шута и самодура, этих столь определенных типов нашей натуры, выражалась в его поэзии двояко: в моменте активном, — давая выверт, а в пассивном — надрыв.

Вспомните Порфирия и его игру с Раскольниковым: например, подготовленный им «сюрпризик».⁷ В таком же роде был и фокус-покус штабс-капитана Снегирева с деньгами Алеши Карамазова;⁸ вывертом является бескапсюльный пистолет Ипполита Терентьева,⁹ вывертом — бритва в дрожащих пальцах Трусозкого,¹⁰ который никогда не убьет; таковы же бегство Настасьи Филипповны из-под венца и предсмертная записка Кириллова. Но верхушку в этом роде составляет бешеный выпад того же Кириллова, когда за минуту до смерти он вонзает зубы в мизинец Петра Верховенского.¹¹

Надрыв является у Достоевского то как реакция против бунта, выверта, фокуса, то отдельно от них.

³ «Вечный муж» — рассказ Достоевского.

⁴ ...отца Илюшечки... — т. е. штабс-капитана Снегирева («Братья Карамазовы»).

⁵ Лебядкин — см. роман Достоевского «Бесы».

⁶ Ипполит Терентьев — см. роман Достоевского «Идиот».

⁷ Вспомните Порфирия и... подготовленный им «сюрпризик». — Порфирий Петрович — пристав следственных дел в романе «Преступление и наказание» вовлекает Раскольникова в психологическую игру и, обещая показать некий «сюрпризик», дает понять, что ему известно об убийстве старухи-процентщицы нечто такое, о чем он до поры до времени умалчивает. «Сюрпризиком» оказывается мещанин, подозревающий Раскольникова в убийстве. Во время допроса Раскольникова он сидит за ширмой у Порфирия Петровича.

⁸ ...фокус-покус штабс-капитана Снегирева с деньгами Алеши Карамазова... — Эпизод из романа «Братья Карамазовы», в котором Снегирев топчет деньги, предложенные ему Алешей (2, VII).

⁹ ...бескапсюльный пистолет Ипполита Терентьева... — эпизод из романа «Идиот» (3, VII). В пистолете, которым пытаясь застрелиться Ипполит, нет капсюля.

¹⁰ ...бритва в дрожащих пальцах Трусозкого... — Эпизод из рассказа Достоевского «Вечный муж» (гл. XV).

¹¹ Предсмертная записка Кириллова... выпад того же Кириллова, когда... он вонзает зубы в мизинец Петра Верховенского. — Эпизоды из романа «Бесы» (3, II). Записка Кириллова о том, что он застрелился по своей воле и якобы убил за предательство Шатова, была продиктована ему Петром Верховенским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.